

— Парень, что только стейки жрал, а теперь пять лет одно хэчангкук ел, — так разве не изменится?

— Это вы меня хвалите?

— Хвалю, конечно. Совсем ведь мордаха зелёная была, как ботва из редьки, а теперь щёчки округлились, жирку поднабрал, с собственным дитём будто наперегонки соревнуешься, у кого щёки толще. Кто ж тебя теперь узнает!

Даже на крик Лим Бон Су, перекрывающий всё вокруг, лицо Ын Юля постепенно таяло в улыбке.

— Но, бабушка, вы теперь слово “стейк” хорошо произносите. Раньше ведь “сстэ...” — ладно, молчу.

Увидев в руках у бабушки нож, Ын Юль сам прикусил язык. Впрочем, тягостное чувство, сковывавшее его до этого, заметно ослабло.

Ну, конечно, что тут удивляться — не узнал он меня.

С Кан Ха Джуном его связывала всего одна ночь. К тому же тот выбрал его, как попало — будто просто ткнул пальцем. Значение этой ночи придавал лишь Сон Ын Юль. Он радовался ей, как самой дорогой награде, и потом ходил всем рассказывал, что он — омега Кан Ха Джуна. А сам Кан Ха Джун, кроме той ночи, и не думал больше встречаться с ним. Наоборот, он отталкивал всех омег, что липли к нему, и даже осмелился покуситься на “главного героя”, которому суждено было всю жизнь получать любовь Кан Ха Джуна.

В последний раз он взглянул на Ын Юля только тогда, когда отобрал у него всё. Настолько он был для Ха Джуна ничтожен и незаметен. Потому и не удивительно, что не узнал.

«Да кто я такой вообще. Зря только нервничал».

Наоборот, если бы он сам вдруг воскликнул: «Кан Ха Джун?!», тот бы лишь подумал: «Что это за чудик такой?».

В голове у Ын Юля словно туман рассеялся, стало легко и свежо. Он усмехнулся.

— Бабушка кормит — вот я и пухну постепенно.

— Пухнешь, ха! На щеках чуть-чуть появилось — и уже важничаешь... Но ты вообще уверен, что так сидеть можно?

Ын Юль недоумённо взглянул, но встретил лишь осуждающий бабушкин взгляд.

— Ха Ныля-то не должен забрать?

— А, верно. Я схожу.

Он вскочил, распахнул дверь на кухне так, будто вышиб её, и убежал. Лим Бон Су, перекладывая хэчангкук по мискам, только цокнула языком:

— Совсем распоясался, всё ему не своё — так и ломает.

Покачав головой, она взяла поднос и подошла к столику Кан Ха Джуна.

— Угощайтесь.

Кан Ха Джун глянул на поданный суп и сравнил с другими. У всех — в толстых глиняных горшках токпокки, а у него — в простой миске, да ещё такой тонкой, что и для супа-то не годится.

— Не думайте усесться тут надолго, ешьте скорее и ступайте.

Едва хозяйшка поставила блюдо и буркнула своё, как Хан Чхоль Сын хмыкнул, будто находил это забавным. Ему тоже не достался токпокки, но он ничуть не расстроился. Может, потому что их обоих “выжили”, Кан Ха Джуну даже показалось, будто они стали ближе.

— Вам, смотрю, весело?

— А что грустить?

Чхоль Сын ещё не успел досмеяться, а уже размешивал суп ложкой.

— Сами посмотрите — раз токпокки не дали, так хоть налили от души. Прямо чтоб лопнуть можно было. Всё это благодаря мне, завсегдаю.

Кан Ха Джун криво усмехнулся на миску. Значит, посуду сменили — из-за него, а налили побольше — из-за Чхоль Сына?

Не заметив за собой, что реагирует на всякую мелочь, он тоже поднял ложку. Запах наваристого бульона мгновенно пропитал всё вокруг.

— Ха Ныль-а.

Из жёлтого детсадовского автобуса, держась за руку воспитательницы, вышел мальчик. Огромные глаза, кругленький носик, пухлые губы — лицо такое милое, что хоть зацелуй. А когда он узнал, кто его зовёт, засиял ещё ярче.

— Папа!

Ха Ныль распахнул руки и побежал. Ын Юль подхватил сына, прижал к себе, уткнулся щекой в его личико. Воспитательница терпеливо ждала, пока он заметит её и поздоровается.

— Как день прошёл?

— Хорошо.

— Весело было?

— Да.

Очнувшись от умиления, Ын Юль торопливо поклонился воспитательнице. Ха Ныль тоже махнул ей сердечко над головой — «люблю вас» — и только после этого она ушла.

— Что было веселее всего? — спросил Ын Юль, опуская сына на землю и протягивая ему руку.

— Лесное занятие.

— А, сегодня же день прогулки в лесу.

Он вспомнил, что раз в неделю их водили в лес рядом с садиком, кивнул и сделал шаг. Но маленькая ладошка не пошла за ним — пришлось остановиться.

— Эм? Ха Ныль, что такое?

— У меня ноги старые, идти не могу.

Мальчик выдернул ладонь и снова протянул руки. Он часто подражал бабушке Лим Бон Су, с которой много времени проводил. И сейчас тоже играл её:

"Это тело уж старое, не слушается. Сколько я ещё протяну на таких развалинах? А эти ироды только и делают, что хэчангкук жрут. У себя дома сварили бы, чего ко мне-то таскаются?" — так она ворчала, а ребёнок пересказывал по-своему.

— Ну тогда папе придётся тебя нести.

Ын Юль снова подхватил Ха Ныля и посадил на руку. Приподнял с размаху — и сын радостно залился смехом. Услышав этот чистый звонкий смех, он невольно взгляделся в его лицо.

— Хорошо, что только я тебя вижу. Кто другой увидел бы — вот была бы беда.

Ха Ныль, не понимая, таращился круглыми глазами. Ын Юль только улыбнулся. И правда, хорошо, что никто не видел: ведь личико сына было словно уменьшенной копией лица Кан Ха Джуна.

Я его сразу узнал не только из-за фотографий и передач — Ха Ныль тут тоже помог.

— Ну как это получилось? Почему ты такой милый и очаровательный?

Тот человек был холодным, страшным, с харизмой... А сын — сама прелесть. Ын Юль постучал пальцем по круглому носику мальчика. Ха Ныль тут же прикрыл нос ладошками.

— Нельзя! И так круглый, ещё надавишь — совсем шариком станет!

— Не бойся. Когда щёчки похудеют, нос заострится. Кончик поднимется.

— Откуда папа знает?

— Ну...

Потому что у Кан Ха Джуна такой же нос... — но вслух он сказал другое:

— Я в детстве был такой же кругленький.

— Папа и сейчас круглый.

— ...

— И у папы тоже щёки пухлые. Бабушка говорила, что у нас обоих они всё растут и растут.

— Эта Лим Бон Су...

Совсем не понимает, что детям можно говорить, а что нет. Ын Юль нахмурился. Объяснить ли сыну, что у взрослого это уже не “щёчки с молочком”, а просто жир? Или что кончик носа у него не низкий, а вполне средний? Или что лицо Ха Ныля потом станет похоже на лицо Кан Х Джунна?..

— Ладно, забудь.

Он поудобнее устроил сына на руках и направился обратно в столовую. И тут в памяти всплыл Кан Ха Джун.

Надеюсь, его там уже нет...

— Сегодня у меня есть спутник, поэтому ухожу пораньше. Но в следующий раз просижу тут до вечера — имейте в виду. — сказал Хан Чхоль Сын, расплачиваясь. Лим Бон Су презрительно фыркнула. Ну депутат, ну что ж. Здесь, в харчевне, он был одним из многих стариков, ничего особенного.

Все старые — так чего уж...

— Пошли.

Чхоль Сын вышел первым, Ха Джун за ним, но обернулся, прислушиваясь. Из кухни других звуков не доносилось. Куда подевался тот молодой человек?

— А куда делся ваш... внук?

— Внук? Тот урод?

Он кивнул. Бабка тут же сморщила лицо.

— Чего вы его моим внуком всё время называете? Увидели бы мою молодость — ни за что так не сказали бы...

— Так где же он теперь?

— А раньше-то, бывало, я только выйду на улицу — и всё, очередь аж до конца квартала. Все только и норовили взглянуть на моё лицо...

И снова бабушка ударилась в воспоминания о своей молодости. Ха Джун так и не узнал, куда делся тот самый парень.

Ын Юль, прижимаясь к двери, осторожно просунул голову, осмотрел зал — остался Ха Джун или ушёл?

Похоже, нет его...

И тут же рядом, из-за его талии, выглянуло маленькое личико. Ха Ныль, с мороженым во рту, в точности повторял за папой — так весело казалось.

— Вот дурачье, — проворчала Лим Бон Су, чистя щавель, и цокнула языком.

<http://bllate.org/book/14449/1277804>